

Секция
ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ДОСУДЕБНОГО И СУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Александров А.С.,

доктор юридических наук, профессор
Нижегородская академия МВД России

**Несколько соображений относительно должной правовой организации
противодействия преступности**

Под «правовой *организацией* противодействия преступности» или «правовой *системой* противодействия преступности» нами понимается уголовно-процессуальное право, уголовное право, а также нормы иных отраслей российского права, которые применяются для противодействия преступности.

«Системность», «организованность» означают, что антикриминальные правовые средства составляют некое непротиворечивое целое, а также создаются и используются кем-то целенаправленно и целесообразно, чтобы достигнуть максимального эффекта.

Указанным «кем-то» являются три субъекта: население, государство и бизнес. Они заинтересованы в создании экосреды совместного обитания, в которой к минимуму сведены неблагоприятные для этой среды факторы, включая преступность. Это главное, что их объединяет, однако не исключает наличия противоречий, обусловленных присутствием негативных качеств у каждого из них. Паразитарность государства выражается в «бюрократии», имеющей свои эгоистические интересы. Погоня за прибылью расчеловечивает бизнес, и делает возможным захват публичной власти – олигархию.

Бюрократия и монополистический капитализм не только активны, но агрессивны. Население, не ставшее гражданским обществом, пассивно, играет слабую роль в системе или вообще, как сейчас, из субъекта превращается в «объект» воздействия со стороны бюрократии и олигархата, то есть эксплуатацию.

Нахождение оптимального баланса интересов и сил между этими субъектами

– условие выживаемости, конкурентоспособности общественной структуры, под которой мы имеем в виду Россию. Только право как общественный договор между властью и подвластными, богатыми и бедными, предпринимателями и работниками, производителями и потребителями может служить основой для создания общественной среды сожительства и совместного, хотя и противоречивого, развития в условиях свободной конкуренции и честного соревнования.

«Право» нужно в первую очередь «слабым», которыми выступают низшие слои населения. «Сильные», то есть элита чиновничества и бизнеса, должны осознанно поделить власть, ресурсами с населением, а главное – «сделать» его автономным «субъектом» права, то есть способствовать созданию гражданского общества, с его институтами общественного контроля и общественного участия: в правотворчестве и правоприменении. Если «элиты» этого не сделают вовремя, путем реформ, произойдет рано или поздно социальный взрыв с негативными последствиями для всех участников экосреды, включая само население.

Для нас наиболее интересны формы и способы общественного участия в создании и использовании правовых средств противодействия преступности, если угодно, их можно (для краткости) называть «уголовно-правовыми средствами». Прежде чем объяснить, что мы понимаем под ними, необходимо сделать несколько важных замечаний относительно самого «правопонимания».

Для этого обратимся к двум понятиям, которые традиционно используются в

английском правоведении для обозначения двух составляющих «права» («law»): «common law» и «state law». Оставив исторические, национальные корни этих понятий, сосредоточимся на главном, а именно: есть государственное право, создаваемое государством (законодательной властью), и есть общее право, создаваемое самим обществом и в самом обществе.

Русская правовая система относится к романо-германской правовой семье, для которой характерно доминирование государственного или, скажем так, «приказного» права. Для нашей правовой традиции, сформировавшейся, надо прямо признать, в условиях автократии, характерно понимание права как инструмента государства, которым это государство управляет обществом, воздействует на общественные отношения или, скажем резче, приводит в должное состояние общество, отдельно взятого обывателя – «человека и гражданина». «Инструментализм» в праве имеет отчетливо выраженную официальную, односторонне публичную направленность. Особенно резко это принято в понимании уголовного права, уголовно-процессуального права и прочих публично-правовых отраслей антикриминального наполнения.

Между тем, на наш взгляд, пришло время и для русского правоведения примерить понятие «common law». Наиболее подходящий вариант для этого «прецедентное» или «судебное право». В настоящее время ведутся острые споры о том, надо ли считать решения Конституционного Суда РФ или постановления Пленума Верховного Суда РФ «источниками права». Для нас это вопрос вторичный, хотя, разумеется, ответ на него мы даем положительный.

Нам важнее изменить основы понимания «права». Здесь принципиально важно расширить круг субъектов правотворчества и изменить само понятие «правотворчество». Мы считаем, что творит право не только законодатель – в лице законодательной или, допустим, судебной власти,

но любой участник правоинтерпретационного процесса.

О значении интерпретации в творении права как инструмента разрешения уголовно-правового спора мы неоднократно писали¹, поэтому нет нужды еще раз подробно на этом останавливаться. Напомним нашу формулировку: право есть смысл текста закона, помноженный на его интерпретацию. Через подобное правопонимание достигается гармонизация «государственного» и «общего» права. Законодатель пишет текст закона. Участники процесса правоприменения одновременно творят правовое в текстовом – через нахождение правильного смысла. Закон (уголовный), будучи «опроецируемым», то есть истолкован и понят в контексте актуальной ситуации уголовного дела, становится реальным уголовным правом. Инструментализм, равно как и процессуальность уголовного права, есть его главные свойства, определяющие его способности быть средством достижения цели – отрицание преступного.

Сущность права заключается не в ответе на вопрос «что?», а в ответе на вопрос «как?». Право для любого из нас, обывателя или профессионала, значимо с точки зрения нашего жизненного интереса. Каждый из нас заинтересован в том, чтобы преступники несли наказание, чтобы преступное в обществе было минимизировано. В этом отношении мы все «стейкхолдеры» – «интересанты» в создании и функционировании правового механизма противодействия преступности. Тем надежнее и эффективнее будет этот правовой механизм, если каждый из нас сопричастен к его созданию и функционированию. Право как желаемое средство достижения общего благополучия – наше общее дело.

Закон имеет для меня только тот смысл, который я понимаю и который мне нужен для защиты и достижения моей цели в данном деле. Интерпретируя смысл текста закона (скажем, статьи уголовного кодекса), я становлюсь соучастником творения уголовно-правового средства

¹ См., напр.: Александров А.С. Интерпретация и право // Конституционно-правовые проблемы уголовного права и процесса : сб. материалов международной научной конференции. Санкт-Петербург, 30-31 октября 2009 г. / сост. К.Б. Калиновский. СПб.: Петрополис, 2010. С. 9-22. URL: <https://www.iuaj.net/node/182>.

достижения моей цели и вместе с тем, эффективно, средства воздействия на преступность. Совокупность усилий всех, кто сознательно включает себя в работу правового механизма противодействия преступности в качестве участника процесса по конкретному уголовному делу или ученого, предлагающего новую трактовку или проект правовой нормы, составляет реальность права. Право, таким образом, есть «общее дело» всех стейкхолдеров, представителей населения и бизнес-сообщества, а не избранных слуг народа – депутатов, судей и прочих чиновников. Мы за новый народный тип правопонимания.

В недавних статьях¹ мы раскрыли, какие возможности дает цифровая трансформация для внедрения в жизнь новой модели права в российскую цивилизацию. Полагаем, что не только право, но и государство требует своего переосмысления в контексте проблематики определения правовых средств противодействия преступности. Исходной установкой здесь будет то, что для обывателя сущность государства состоит в совокупности полезных услуг, которые могут быть ему оказаны через цифровую платформу государственных услуг.

В доступности услуг по розыску, раскрытию преступления, выдвижению обвинения против предполагаемого преступника состоит для человека антикриминальная сущность государства. Все остальное «государственное» вторично. На первый план выходит цифровая платформа государства, а также непосредственное взаимодействие с офицером полиции, прокурором, судьей в ходе процесса.

Полагаем, пришло время сменить главные детали существующей процессуальной формы применения уголовного закона: обвинения и доказывания. Они должны быть лишены следственной формы, если угодно – «обесформлены». Мы считаем, что именно от них зависит не только тип уголовного процесса, но вся правовая организация противодействия преступности. Мы, стейкхолдеры, хотим и будем участвовать и в том, и в другом: народном обвинении и общем доказывании. Это означает, что не следователь, а любой человек, юридическое лицо будет наделен право предъявлять в суде обвинение и представлять самостоятельно собранные в обоснование этого обвинения доказательства.

Лонь С.Л.,

кандидат юридических наук, доцент
Юридический институт Томского государственного университета

Понятие правоохранительной деятельности и ее роль в борьбе с преступностью

Приступая к анализу правоохранительной деятельности как определенного правового явления, существующего в реальной жизнедеятельности государства, необходимо подчеркнуть многоуровневое проявление этой категории в теории и практике, что желательно учитывать при исследовании. Она может иметь системные межуровневые связи и связи на каждом выбранном уровне изучения независимо от исследований теоретического или

практического характера. Следует подчеркнуть, что правоохранительная функция государства, трансформируясь в правоохранительную деятельность, с необходимостью попадает в достаточные жесткие связи внутри государства. В частности, это проявляется в отношениях: 1) с организацией реализации видов государственной власти, предусмотренных Конституцией РФ, и 2) с конкретными видами правоохранительной деятельности, на которые она

¹ См., напр.: Александров А.С., Александрова И.А., Власова С.В. Теоретическая концепция государственно-правовой организации противодействия преступности в 21 веке // Государство и право. 2019. № 9. С. 75-86.